

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НА ВТОРОЙ МОСКОВСКОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (Февраль—март 1921 г.)

Э. А. ЗОГРАБЯН

Созыв Московской конференции был одним из наиболее значительных событий не только в советско-турецких отношениях, но и в международной жизни того времени. В. И. Ленин в речи, произнесенной 28 февраля 1921 г. на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, касаясь «главных новинок международной жизни», сказал: «Таких новинок, чтобы быть кратким, я отмечу только три: первая, это—та, что у нас началась конференция с турецкими делегатами здесь в Москве¹. Этот факт в особенности надо приветствовать, потому что препятствий к непосредственному ведению переговоров между нами и делегацией турецкого правительства было множество...»². Уже то обстоятельство, что сам факт созыва конференции считался успехом, говорит о том, какое значение придавалось упрочению добрососедских отношений с Турцией. Г. В. Чичерин, говоря об интересе В. И. Ленина к работе конференции, писал: «...Я вспоминаю, как внимательно во время Московской конференции с Турцией Владимир Ильич каждый вечер расспрашивал меня по телефону о том, что было сделано за день и с каким живым интересом он относился к судьбе этих переговоров»³. Об этом свидетельствуют также хранящиеся в личной библиотеке В. И. Ленина стенограммы заседаний конференции и заседаний политической комиссии. Особого внимания заслуживает и тот факт, что 26-го февраля В. И. Ленин лично принял турецкую делегацию и имел с ней беседу о советско-турецких отношениях. Такой интерес к работе конференции станет понятен, если вспомнить, что в начале 1921 г. решался вопрос о том, удастся ли урегулировать кризис в советско-турецких отношениях, возникший вследствие совершенного кемалистами нападения на Армению⁴, и тем самым предотвратить возможный переход Турции в лагерь Антанты, или же реакционные круги кемалистской верхушки вовлекут Турцию в антисоветский лагерь и направят его против Кавказа.

Конференция начала свою работу 26 февраля 1921 г. в Москве. На открытии с приветственными речами выступили руководители де-

¹ Второй «новинкой» были переговоры с Польшей в Риге, а третьей—события на Кавказе (установление Советской власти в Грузии).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 42, с. 353.

³ Г. В. Чичерин, Статьи и речи по вопросам международной политики, М., 1961, с. 283.

⁴ 2 декабря 1920 г. в Александрополе делегация Ал. Хатисяна подписала договор с кемалистами, по которому граница между Арменией и Турцией проходила по рекам Аракс и Ахурян. Таким образом, к Турции отходила не только вся Западная Армения, но и Карсская область и Сурмалинский уезд. По договору над Нахичеваном было установлено временное покровительство Турции. Однако договор этот не был ратифицирован, так как был заключен в момент, когда дашнаки уже были лишены фактической власти.

легаций—Г. Чичерин и Юсуф Кемаль-бей. Затем по обоюдному согласию сторон было решено принять за основу переговоров проект договора, выработанного во время первой русско-турецкой конференции (июль—август 1920 г.), который, однако, должен был подвергнуться некоторым изменениям и соответствующим образом дополнен. С этой целью были созданы три комиссии—политическая, юридическая и редакционная. Конференция рассмотрела ряд вопросов, на которых мы не станем останавливаться. Мы коснемся только тех вопросов, которые затрагивали интересы Советской Армении. Таковым был вопрос территориальных разграничений, который был самым важным и вместе с тем представлявшим наибольшую трудность. Турецкая делегация проявила в этом вопросе невообразимое упорство. Александр Бекзадян в письме к Атабекяну писал, что «турки, оценивая свое выгодное положение (они требовали даже Батуми), ставят максимальные требования, в том числе Карс с областью, Батумскую область с Ахалцихским и Ахалкалакским районами и Сурмалинский уезд»⁵. Помимо указанного, турецкая делегация претендовала также на Нахичеванскую область. Интересно, что для обоснования своего права на указанные территории турецкая делегация то ссылалась на «Национальный обет», в котором, однако, говорилось лишь о необходимости проведения нового референдума в Батуме, Карсе и Ардагане⁶, то на желание населения, доказательством чего якобы являлся факт приглашения турецких войск и т. д. Батум имел первостепенную стратегическую позицию и, что самое главное—являлся единственным удобным портом на Кавказском берегу Черного моря. Аппетит турок в отношении Батума возбуждался и другим обстоятельством: это нефтепровод Баку—Батум, который сулил большую выгоду. Что касается Нахичеванского уезда, то считаем необходимым более подробно остановиться на этом вопросе, так как Армения в нем была заинтересованной стороной. Удобное географическое расположение этого края всегда соблазняло его соседей. Будучи неотъемлемой частью исторической Армении, Нахичевань на протяжении многих веков являлся яблоком раздора между двумя могущественными феодальными княжествами Армении—Сюником и Васпураканом. Однако для края особенно пагубное последствие имело насильственное переселение части армянского населения Нахичеванского края в Персию Шах-Аббасом, после чего миграция из этих районов не прекращалась и в последующие столетия. Одновременно с этим процессом постепенно в этих местах обособывается мусульманское население⁷.

Численность армянского населения уезда в последующие годы еще более уменьшилась вследствие опустошительного турецкого нашествия 1918 г. и трагических межнациональных столкновений, спровоцированных турецкими шовинистами и мусаватистскими националистами. Так что одна часть армянского населения была перебита, а ос-

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства АрмССР (далее—ЦГАОРСС АрмССР), ф. 114, оп. 2, д. 68, л. 25.

⁶ «Национальный обет» был принят Оттоманским парламентом 28 января 1920 г. и отразил основные причины программы кемалистов. Территориальные требования были довольно обширны и включали не только всю Анатолию, но и Румелию. В нем говорилось также о проведении «в случае необходимости» плебисцита в Батуме, Карсе и Ардагане.

⁷ См.: Кавказский календарь, 1916, с. 215—216.

тальная часть вынуждена была переселиться в другие области Армении и даже в Россию и другие страны.

Несмотря на некоторое преобладание в данный период мусульманского населения и в дипломатических кругах Нахичеванский уезд всегда считался неотъемлемой частью Армении. Это объясняется не только объективным историческим правом армян на данную территорию, но и тем, что этот край по своему географическому положению органически связывал армянские области Зангезур и Карабах с Араратской долиной. Кроме того, единственный путь, связывавший Армению с Персией и дававший возможность не только развивать торговлю с ней, но и вести выгодную посредническую торговлю, лежал через Нахичевань. Именно это значение Нахичевани для Армении имел в виду Б. В. Легран, когда в начале августа 1920 г. в Тифлисе, в беседе с представителем Армении Тиграном Бекзадяном говорил, что «Нахичевань должен быть вашим, хотя бы и с его турецким населением. Это для меня ясно и мне кажется, что это столь же необходимо для вашей государственности, сколько колодец для усадьбы и, как последнюю нельзя оставить без колодца, так и вас без Нахичевани»⁸. Считаю необходимым также отметить, что руководящие деятели Коммунистической партии и Советского государства всегда были того мнения, что Нахичевань должен быть в составе Советской Армении. Об этом свидетельствуют телеграмма Г. Чичерина к Г. Орджоникидзе от 2 июня 1920 г.⁹, а также тот факт, что сразу же после установления Советской власти в Армении в Декларации Ревкома Азербайджана от 2 декабря 1920 г. говорилось, что «отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной взаимного кровопускания двух вековых соседних народов: армян и мусульман; территории Зангезурского и Нахичеванского уездов являются нераздельной частью Советской Армении, а трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самбоопределения»¹⁰. А в письме С. Тер-Габриеляна, направленном в ЦК КП Армении 15 января 1921 г., говорится: «На днях получил от т. Атабекова выдержки из доклада комбрига Студнева по поводу Нахичевань—Ордубад—Норашена. Копии этой телеграммы я разослал тт. Ленину, Троцкому, Чичерину, а к Сталину отнес я сам и беседовал с ним очень долго. Сталин, как видно, и другие товарищи, значительно изменили свое отношение к турецкому движению, благодаря того довольно вызывающего тона, каким они начали говорить с Россией и благодаря фактам, в последнее время передаваемым бюро печати РСФСР в Грузии. Сталин в категоричной форме заявил, что разговора о Нахичевани не может быть—Нахичевань будет в Советской Армении. Что же касается Карса, то в этом вопросе хотя и имеется твердое решение отстаивать для Армении, все-таки необходимо в самом срочном порядке выслать оттуда материалы об этнографическом положении—как всей области, так и отдельных округов—Карсского, Кагызманского, Ольтинского, Ардаганского»¹¹ (подчеркнуто нами—Э. З).

⁸ Центральный государственный исторический архив АрмССР (далее—ЦГИА АрмССР), ф. 199, оп. 1, д. 111, л. 172.

⁹ См.: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее—ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), ф. 85, оп. 13, д. 32, л. 1—2.

¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении, Ереван, 1957, с. 437.

¹¹ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 114, оп. 2, д. 31, л. 70.

Притязания кемалистской Турции на Нахичеванскую область станут легко понятными, если иметь в виду ту исключительно важную роль, которую благодаря своему благоприятному географическому расположению могла играть эта область в осуществлении пантюркистских планов кемалистов. Вклиниваясь между Турцией, Персией и Арменией, «Нахичеванская область позволяла осуществить их (кемалистов—Э. З.) план—писал чрезвычайный комиссар Нахичеванской области. Велибеков в отчете от 23 января 1921 г., направленном в ЦК КП Армении,—поднять общую контрреволюцию, начиная от Анатолии, Маку, Нахичевана, Персидского Азербайджана и кончая Советским Азербайджаном»¹². О наличии у турок намерений захватить этот стратегически важный район говорил также Г. Орджоникидзе в докладе на общегородской партийной конференции города Баку 25 января 1921 г.: «Далее идет так называемый Нахичеванский вопрос. Здесь идет некоторое противоречие, некоторое столкновение, конечно, не вооруженное, с турками. Турки желают иметь в своих руках Нахичеванский район. Нахичеванский район это тот узел, откуда идут ворота в Персию, откуда мы можем иметь связь с Персией и Месопотамией. Из Нахичевана идет ж. д. на Тавриз, в Персидский Азербайджан, самую революционную провинцию Персии. Как будто есть желание у турок иметь этот ключ в своих руках»¹³.

В свете этих высказываний становится понятным, почему Турция, получившая по заключенному с дашнаками Александропольскому договору право временного покровителя Нахичевана¹⁴, прилагала все усилия, чтобы навсегда обосноваться там. Еще 7 декабря 1920 г. Б. Шахтахтинский из Александрополя телеграфировал, что «турки не отрицают возможности заключения в будущем какого-либо соглашения с Антантой, а потому хотят Нахичеванский уезд, часть Шарур-Даралагызского уезда и Макинское ханство обратить в самоуправляющуюся единицу, которая в случае заключения соглашения с Антантой должна служить базой для турецких повстанцев, должностных продолжать противоантантовскую борьбу на Востоке»¹⁵.

Цель была ясна. Однако, когда эта скрытая игра не увенчалась успехом (Шахтахтинский предложил им в видах целесообразности избрать базой для указанной выше цели Баязетский санджак и Ванский вилайет), тогда кемалисты приступили к активным действиям. С целью создания анархии и дискредитации Советской власти они с помощью своих явных и тайных агентов, засевших в советских организациях области, производят самовольные реквизиции и аресты. Вместе с тем, турецкие эмиссары развертывают сильную агитацию в пользу присоединения Нахичеванского уезда к Турции и достигают определенных успехов, так как в административных органах и среди населения было множество агентов, бывших офицеров и аскеров турецкой армии, оставшихся здесь после поражения Османской империи в Первой мировой войне. Справедливости ради надо сказать, что в

¹² Там же, д. 25, л. 35.

¹³ Партийный архив армянского филиала ИМЛ (ПААФ ИМЛ), ф. 4033, оп. 1, д. 1670, св. 11, л. 2.

¹⁴ В статье 2 этого договора сказано: «В районах Нахичевана, Шарура и Шахтахтов, где впоследствии посредством плебисцита будет установлена особая администрация, Армения обязуется не вмешиваться в порядок этой администрации, независимо от того, в какую форму выльется эта администрация. Эти районы будут временно находиться под защитой Турции».

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 13, е/х 143, л. 1—2.

этом деле отрицательную роль сыграло также непристойное поведение некоторых руководящих деятелей Азербайджана, недовольных Декларацией Ревкома от 2 декабря 1920 г. Так, например, в начале декабря в Нахичеване, в присутствии многочисленной толпы у здания ревкома Б. Шахтахтинский говорил: «Азербайджан вас продал, если я был бы в Баку, то не допустил бы до этого... Теперь вы взирайте на турок. Она ваше спасение единственное. Крепко держитесь за них»¹⁶.

В конце декабря командир турецкого отряда в Нахичевани Вейсал-бей, воспользовавшись отсутствием некоторых руководящих деятелей, выехавших в Ереван для доклада о положении дел в области, объявляет себя чрезвычайным комиссаром Нахичеванской области, выпускает из тюрем всех контрреволюционеров, из советских учреждений удаляет коммунистов и приказывает задержать все поезда, следовавшие из Еревана в Нахичевань. А посланные им агитаторы во всех деревнях агитируют население в пользу установления протектората Турции над Нахичеваном. Однако скорое возвращение представителя РСФСР Студнева и чрезвычайного комиссара Велибекова из Еревана предотвращают дальнейшие действия Вейсал-бея. 7 января 1921 г. Вейсал-бей сделал новую попытку захватить власть в Нахичевани. С этой целью в городе организуется многолюдный митинг, который по заранее составленному плану должен был перерасти в восстание, однако руководители Советского Нахичевана предотвратили восстание. В конце января турецким офицерам и аскерам удается в некоторых селениях спровоцировать население на антисоветские выступления с лозунгами «Да здравствует Советская власть, долой коммунистов». «При допросе выяснилось, что душою события были турецкие забиты и аскеры,—пишет по этому поводу Велибеков в докладной от 3 февраля 1921 г.,—кои распространили провокационные слухи, а именно, что Красная Армия соединилась с армянами (что они—Э. З.) займут Нахрайон и вырежут поголовно всех мусульман, но пусть они не боятся, ибо за ними турки, англичане и Грузия». Далее Велибеков заявляет: «Заканчивая первую часть доклада, кричу: Центр ложно информирован относительно турок, мы в ожидании больших событий, и достаточно прислать двух-трех ответственных товарищей в Нахрайон, чтобы они воочию убедились»¹⁷.

В феврале, воспользовавшись событиями в Армении (февральская авантюра дашнаков), турецкое командование предпринимает новые попытки захвата власти в Нахичеванском уезде. Не имея особенно большой реальной силы в Нахичеване¹⁸, турки на этот раз стремились добиться желаемого обходным путем. 22 февраля Вейсал-бей в телефонограмме к Велибекову, спекулируя взятием Еревана дашнаками и возможным их вторжением в Нахичеванский край, потребовал, чтобы части Красной Армии, находящиеся на территории уезда и отрезанные от своих центров, согласно категорическому приказу высшего командования восточного фронта Турции, перешли под его командование и сосредоточились в селениях Шахтахты и Кивраг. «Чтобы быть готовыми от нападения дашнаков на Нахичеванский округ,—далее говорится в телефонограмме Вейсал-бея,—Нахичеванский Военный Комиссариат должен перейти под командование турецкого революционного отряда. Было бы желательно этому Комиссариату ра-

¹⁶ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 114, оп. 2, д. 25, л. 28.

¹⁷ Там же, д. 87, л. 11.

¹⁸ Численность турецких аскеров в Нахичеване не превышала 400.

ботать в селении Шахтахты»¹⁹. Комментируя это требование турецкого командования, чрезвычайный комиссар Нахичеванского уезда Велибеков в докладной, направленной Реввоенсовету XI армии, пишет: «Приказ этот ясно и определенно говорил о том, что они через Окружной Военный Комиссариат хотят увеличить путем мобилизации свои силы, поднять свой авторитет (захватить фактически власть), а затем предложить русским частям разоружиться»²⁰. О злых намерениях турок свидетельствует также тот факт, что в эти дни они особенно усилили антисоветскую агитацию, распространяли провокационные слухи о том, что уже пришел конец Советской власти, что в Армении, Азербайджане и на Украине восстания, а Польша снова объявила войну Советской России и т. д.

Не получив удовлетворения и не имея достаточно сил для захвата власти, турецкое командование снова прибегает к помощи местной контрреволюции. Для организации контрреволюционного восстания турецким командованием направляется известный разбойник Мустафа Кемаль, который 23 февраля занимает селения Каралуг и Буман вблизи Нахичевана, объявляет себя властью, арестовывает сельские ревкомы, членов комячеек и т. д. 24 февраля на станцию Нахичевань из Шахтахты прибывают 25 аскеров во главе с офицером для поддержки контрреволюции. Однако советские войска совместно с отрядами ЧК быстрыми и решительными действиями подавляют восстание²¹. Еще раз попытку захватить уезд путем восстания турки предприняли в середине марта. Отряд турецких аскеров, захватив селение Тиркеш, призывает население вооружаться и начать борьбу против коммунистов. Они также устанавливают связь с дашнаками, стремясь получить от них помощь, но те относятся к ним недоверчиво. Уже 18 марта с восстанием было покончено, а Вейсал-бей вынужден был восставших аскеров объявить дезертирами²².

Все эти факты говорят о том, что Турция еще до конференции, а также в дни конференции, не дожидаясь ее окончательного решения, предпринимала определенные шаги с тем, чтобы поставить Советскую Россию перед свершившимся фактом. И не только в вопросе Нахичеванского уезда, но и Батумской области.

Еще 21 февраля кемалисты в порядке ультиматума потребовали от меньшевистского правительства Грузии Батум, Ахалцих и Ахалкалак и, получив положительный ответ, принялись за их оккупацию. «Теперь я должен сообщить Вам, что по согласию грузинского правительства, нашим войскам отдан приказ занимать Батум,—объявил по этому поводу Ахмед Мухтар в Великом национальном собрании Турции.—После занятия Батума там будет проведен плебисцит, и, если население пожелает, то Батум будет наш»²³.

Уже 11 марта небольшой турецкий отряд вошел в Батум, а кемалистский представитель в Грузии Кязим-бей город объявил неотъемлемой частью Турции. Одновременно турецкое командование начало стягивать войска к Ахалкалакскому и Ахалцихскому районам. Однако на этот раз турков постигла неудача: 18 марта передовые части Красной Армии вошли в Батум и вышвырнули оттуда турецких аскеров.

¹⁹ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 114, оп. 2, д. 87, л. 26.

²⁰ Там же, л. 22.

²¹ Там же, л. 22—23.

²² Там же, л. 24.

²³ *Чиндип шипт* (Красная звезда 22, III, 1921).

Наряду с практическими шагами кемалисты на переговорах в Москве предприняли довольно энергичные попытки добиться признания Советской Россией прав Турции на эти территории. Следует отметить, что до 10 марта территориальные вопросы обсуждались не на официальных заседаниях конференции, а во время неофициальных переговоров и встреч, в которых участвовали не только члены советской делегации (Г. Чичерин и Джелаледдин Корхмазов), а также И. В. Сталин и представитель Азербайджана Б. Шахтахтинский. Турецкая делегация в начале была весьма упорна, но когда убедилась, что в вопросах Батума и Нахичевани никаких уступок не будет, а Лондонская конференция уже проваливается²⁴, и, следовательно, надо умирить требования, чтобы не лишиться помощи и дружбы Советской России, пошла на некоторые уступки. 6 марта Б. Шахтахтинский после продолжительной беседы с турецкой делегацией заявил, что «вопрос о Нахичеванском районе и Батуме теперь их мало интересует, так как они убедились, что все споры об этих округах бесполезны»²⁵. Однако турецкая делегация все еще затягивала окончательное соглашение, которое не могло не беспокоить советских руководителей. 9 марта В. И. Ленин писал по этому поводу Г. Чичерину: «Я крайне обеспокоен тем, что турки оттягивают подписание соглашения о Батуме, выигрывая время, пока их войска идут к Батуму. Мы не должны позволить им такие оттяжки. Обсудите такую меру: вы прервете вашу конференцию на полчаса для разговора со мной, а Сталин в это время поговорит начистоту с турецкой делегацией, чтобы выяснить дело и довести до конца сегодня же»²⁶. Это указание В. И. Ленина было выполнено. Турки согласились больше не настаивать на присоединении Батума. Однако, судя по сведениям турецких историков, и здесь дело не обошлось без Армении. Вот что пишет по этому поводу турецкий историк Тевфик Бийиклюоглу: «Вместо Батума нам был предложен Сурмалинский уезд и под протекторатом Азербайджана была создана Нахичеванская автономная республика»²⁷.

10 марта конференция наконец приступила к официальному рассмотрению вопроса о границах. Турецкую сторону представляли Юсуф Кемаль-бей, Рза Нури-бей и Али Фуад-паша, а советскую—Г. Чичерин и Джелаледдин Корхмазов. Председательствовал на заседании Кемаль-бей.

Советская делегация с самого начала заявила, что она готова признать «Национальный обет», но требует произвести некоторое изменение границы, в частности—в секторе Батума. «Наибольшей уступкой, на какую может согласиться российская делегация,—заявил Г. Чичерин,—это, чтобы пограничная линия шла приблизительно следующим образом: Сарп (село на берегу Черного моря, южнее Батума.—Э. З.), гора Кедизмта, Тавшетский хребет, прежняя граница до Ардаганского

²⁴ Лондонская конференция (21 февраля—14 марта 1921 г.), куда были приглашены две турецких делегации (султанского правительства и кемалистская), завершилась неудачей. Она не оправдала надежд ни кемалистов, стремившихся к признанию державами Антанты «Национального обета», ни империалистических кругов Запада, стремившихся к соглашению с ними, хотя в этом направлении было приложено немало усилий.

²⁵ А. Н. Хейфец, Советская дипломатия и народы Востока, 1921—1927, М., 1968, с. 98.

²⁶ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 52, с. 92.

²⁷ Е. Саркисян, Р. Саакян, Во имя исторической правды (Երեւանի երեւոյթ) (Вечерний Ереван, 9. VI. 1988).

округа»²⁸. После определения границы в секторе Батума, когда стороны после долгих споров в конечном счете пришли к соглашению о том, что Турция получает право свободного и беспоплатного транзита через Батум, конференция приступила к обсуждению вопроса о границах Армении.

Как уже отмечалось, самым трудным вопросом советско-турецкой конференции являлся вопрос армяно-турецкой границы, пожалуй, единственный вопрос, в котором Турция не шла на компромисс. Это подтвердилось и в Москве: неофициальные переговоры, как накануне, так и в дни конференции, показали, что о возврате Турцией захваченных территорий Восточной Армении не могло быть речи. Кемалистская делегация упорно настаивала на границах, определенных Александропольским договором, считая их единственно верным решением вопроса. В такой ситуации настаивание на возврате захваченных территорий могло привести к срыву подписания договора. Вот почему на заседании 10 марта, во время официального обсуждения вопросов, Г. Чичерин был вынужден заявить: «Российское правительство не будет настаивать на проведении границы западнее Арпачая и южнее Аракса, но необходимость охраны ж. д. линии Александрополь — Нахичевань с военной точки зрения, а также от возможных набегов курдов и других банд побуждают Российское правительство просить Турцию о принятии на себя обязательства не содержать войск и не строить блокгаузов на известном расстоянии от границы в полосе, ширина которой не превышает 8 верст и которая может быть сокращена там, где река отходит от железной дороги»²⁹.

Даже это скромное требование показалось турецкой делегации неумеренным, и она потребовала распространить эти условия только на зону Арпачая. А для зоны Аракса она сочла это «большой уступкой» и предложила сократить зону до четырех верст, мотивируя это тем, что уже «река может быть рассматриваема как достаточная защита и где кроме того эта полоса должна была бы простирается на протяжении 80—100 км, делая практически весьма затруднительной защиту этой зоны турецкими войсками в случае надобности»³⁰. Цинизм турецких дипломатов не знал предела: река для одной стороны может рассматриваться как «достаточная защита», а для другой — нет. А от кого должны были оборонять свои границы турецкие войска, если не от «агрессоров, империалистов» армян, которые «угрожали восточным границам Турции». Поэтому Нахичевань нельзя оставлять Армении. «В силу самого факта признания населением турецких войск Нахичевань состоит под турецким покровительством», — заявил Кемаль бей. — Тем не менее она согласна уступить это покровительство Азербайджану при условии получения от Азербайджана обязательства не уступить этого покровительства третьему государству»³¹. Небезынтересно то обстоятельство, что турецкие делегаты для обоснования этого требования ссылались на якобы преследование армянами (т. е. дашнаками), мусульман этого района, забывая о зверском истреблении турецко-мусаватистскими бандами армянского населения этой же области. Нельзя также серьезно говорить о покровительстве Турции над Нахичеваном, поскольку версия о «призыве населением турецких войск» не соответствовала действительности, а Александропольский договор не

²⁸ ЦГАОРСС АрмССР. ф. 114, оп. 3, д. 17, л. 14.

²⁹ Там же, ф. 113, оп. 3, д. 17, л. 14.

³⁰ Там же, л. 19.

³¹ Там же.

был ратифицирован. И, наконец, обязательство возлагалось на государство, которое не было представлено на конференции. Поэтому Г. Чичерин предложил «ограничиться просто передачей Нахичевана под покровительство Азербайджана», без упоминания какого-либо обязательства. Но турецкая делегация настаивала на своем требовании и сформулировала последнюю часть статьи о передаче Нахичеванской области под покровительство Азербайджана следующим образом: «при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству»³², т. е. Армении. А когда 12 марта конференция приступила к обсуждению определенных военными экспертами границ между Арменией и Нахичеванской областью, то выяснилось, что по настоянию турецких экспертов к Нахичеванской области был присоединен не только Шарур-Даралагыз, но и часть Ереванского уезда вплоть до станции Арарат. Это было более чем странно, потому что даже мусависты никогда не претендовали на какую-либо часть Ереванского уезда и «неизменно признавали своей крайней границей Волчьих ворота»³³. Поскольку заинтересованные республики не были представлены на конференции, то Г. Чичерин придерживался того мнения, что «граница между Нахичеванью и Арменией могла бы считаться временной. Если впоследствии при непосредственных переговорах между этими двумя государствами были бы установлены какие-либо изменения, то эти изменения не должны быть рассматриваемы как нарушение договора»³⁴. Но турецкая делегация настаивала на том, что этот вопрос весьма важен для безопасности восточных границ Турции, и он должен получить окончательное решение, исключая возможность каких-либо переговоров между Азербайджаном и Арменией. Кемаль-бей одновременно выразил уверенность, что установившая покровительство над этой территорией (от Шарур-Даралагяза до станции Арарат), «Азербайджан делает все находящееся в его власти, чтобы выполнить свой долг перед Турцией, Россией и человечеством»³⁵. Слушая эти громкие фразы Кемаль-бея, можно было подумать, что судьба не только Турции и России, но и всего человечества зависела от этого клочка земли, и если она попадет в руки армян, то человечество понесет непоправимый урон. Однако истинные намерения турок нетрудно было угадать, взглянув на карту. Ведь именно здесь, на этом участке они могли иметь общую границу с Нахичеваном. Преследуя далеко идущие пантюркистские цели, турки теперь всячески старались не потерять связь с Нахичеваном. Только этим можно объяснить настойчивость турок в этом вопросе. Так или иначе, длительные споры по этому вопросу завершились компромиссным соглашением: Шарур-Даралагыз передавался Нахичевану, а граница на спорном участке Ереванского уезда должна была быть утверждена смешанной комиссией, составленной из представителей правительства Армении, Азербайджана и Турции.

Так, Турция, последовательно осуществляя свою антиармянскую политику, добилась того, что Нахичеванский край также был отделен от Советской Армении, завершив тем самым расчленение Армении. После обсуждения вопроса территориальных разграничений Г. Чичерин выступил с заявлением, в котором подчеркивалось: «Российская делегация заявляет, что раз эти границы (турецко-закавказские—Э. З.)

³² Документы внешней политики СССР, т. III, М., 1959, с. 599.

³³ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 113, оп. 3, д. 17, л. 54.

³⁴ Там же, л. 55.

³⁵ Там же.

будут установлены, само собой разумеется, что суверенитет всех заинтересованных государств в пределах своих границ будет осуществляться в полной мере и что в имеющихся быть заключенными между Турцией, с одной стороны, и Арменией и Грузией—с другой, договорах ничто не сможет его ограничить». Чичерин отметил, что это является «главным условием соглашения» и что правительство Советской России не только не признает даже самое незначительное ограничение суверенности закавказских республик, но и любую попытку Турции в этом направлении «будет считать направленной против себя»³⁶.

Причиной подобного заявления была необходимость обезопасить советские республики Закавказья, в частности Армению, от посягательств Турции. Тем более, что неофициальные беседы и заседания конференции показали, что турецкая делегация старается оставить открытыми вопросы, относящиеся к взаимоотношениям Турции и закавказских республик, с целью оказания впоследствии давления на эти республики. Это заявление Чичерина было особенно важно для Советской Армении, потому что оно фактически было направлено против Александропольского договора. Между тем кемалисты всячески стремились распространить на Советскую Армению условия этого договора. Турецкая делегация приняла это заявление Г. Чичерина к сведению и, казалось, что вопрос этим был решен. Но во время следующего заседания (12 марта) выяснилось, что кемалистская делегация, стремясь оставить себе лазейку, распространяет свое обязательство не нарушать суверенность закавказских республик только на два вопроса: 1. ограничение вооруженных сил и 2. право контроля. Между тем возможности нарушения суверенности многочисленны и многообразны. Поэтому нельзя заранее определить, что будет признано нарушением суверенности и что—нет. Учитывая это обстоятельство, делегация Советской России выступила с новым заявлением, в котором, в частности, подчеркивалось, что она «сделала более широкое заявление, включив оба эти случая» и что Советская Россия не потерпит любого нарушения суверенности вообще, и закавказские республики «получат в этом вопросе содействие российского правительства»³⁷.

На заседании 14 марта обе стороны представили свои проекты договора и началось их одновременное обсуждение. А заключительное заседание конференции состоялось 16 марта. В этот же день был подписан договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией, после чего между сторонами произошел обмен нотами о взаимных обязательствах (ставить в известность друг друга относительно общего направления проводимой политики, не заключать с другими странами таких договоров, которые могут противоречить интересам другой стороны и т. д.)³⁸.

Согласно заключенному договору, объявлялись отмененными все те заключенные в прошлом договоры и международные акты, которые были навязаны договаривающимся сторонам. Правительство РСФСР отказывалось от привилегий, которые имела царская Россия в Турции, режим капитуляций объявлялся отмененным. В договоре имелись также статьи о решении вопросов Черного моря и проливов, обмена военнопленными, заключении консульских соглашений и т. д.³⁹.

³⁶ Там же, л. 19.

³⁷ Там же, д. 23, л. 107—108.

³⁸ Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 665—687.

³⁹ Там же, с. 597—602.

Первые три статьи (и соответствующие приложения) договора отнесли к территориальным разграничениям (первая—к северо-восточным границам Турции, вторая—к Батумской области, третья—к Нахичевану). К Турции отходили: от Грузии—Артвин и южная часть Батумской области. А границы Армении проходили по рекам Арпачай и Аракс, т. е. к Турции отходили не только Западная Армения (так называемая Турецкая Армения), но и значительная часть Восточной (Русской) Армении—Карсская область и Сурмалинский уезд. А Нахичеванская область, как отмечалось выше, по настоянию Турции была передана Азербайджану.

Таким образом, от Армении отторгались главные ее экономические ресурсы—Ольтинские каменноугольные копи, Кульпинские и Нахичеванские соляные, Кагызманские мышьяковистые руды, Сарикамышский строительный лес, значительная часть хлопковых и виноградных плантаций Араратской долины, хлебородные и сенокосные участки Карсской области и т. д. Однако новые границы особенно тяжелыми были с военной точки зрения. Главные стратегические пункты и рубежи, а также главные оперативные пути, ведущие в административные и хозяйственные центры Закавказья, оказались в руках турок. Под непосредственным ударом оказались стратегически важная жизненная дорога Тифлис—Александрополь—Ереван—Джульфа. Два главных центра Армении—Ереван и Александрополь становились пограничными городами. С переходом Артина в руки турок оборона Багума также делалась крайне затруднительной. Фактически новые границы ставили обороноспособность Армении равной почти нулю, а Закавказье—в целом к обороне Тифлиса и Баку. Так, чем же объяснить такие большие уступки Турции? Видимо, здесь немаловажную роль сыграли следующие факторы:

1. Стремление Советской России установить в Закавказье прочный и длительный мир. А такой мир в условиях обстановки весны 1921 г. невозможен был без подписания соответствующего договора с Турцией. С этой точки зрения Московский договор в известной мере являлся также мирным договором. *«Главное содержание этого договора,—сказано в телеграмме Г. Чичерина от 20 марта 1921 г. официальному представителю РСФСР в Великобритании Л. Б. Красину,—территориальное разграничение, что не имеет отношения к нашему соглашению с Англией. Не может же Англия требовать от нас, чтобы мы взяли обратно уступку Турции Карса и Ардагана, или чтобы мы начали с Турцией войну, а территориальное разграничение необходимо для предотвращения войны»*⁴⁰ (подчеркнуто нами—Э. З.). Об этом говорил также В. И. Ленин в докладе о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г.: «Период от IX до X съезда был почти весь заполнен войной: вы знаете, что лишь в самое последнее время подписали окончательный мир с поляками и несколько дней тому назад мирное соглашение с турками, которое одно только избавляет нас от вечных войн на Кавказе»⁴¹.

2. При решении на конференции территориальных и других вопросов учитывались также общие перспективы советской политики на Востоке. Придавая огромное значение крушению империализма на Востоке, Советская Россия всячески способствовала и всемерно помогала антиимпериалистическим движениям, так как «социальная револю-

⁴⁰ Там же, т. IV, М., 1960, с. 11.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, с. 151.

ция,—как отмечал В. И. Ленин,—не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»⁴². А кемалисты, ведя борьбу фактически только против греков и армян, очень ловко и умело эту борьбу представили как антиантантовскую и довольно заметно воспользовались этим. Они даже не стеснялись говорить об этом открыто и не раз в беседах с советскими руководящими деятелями недвусмысленно давали понять, что если не удовлетворят их требования, то они «вынуждены будут пойти спасение на Западе», то есть перейдут в лагерь Антанты (такие попытки, хотя и безуспешно, предпринимались ими и осенью 1920 г., и весной 1921 г.).

Заклучив Московский договор, Советская Россия тем самым не только на деле подтвердила провозглашенное им ранее признание «независимости, свободы и суверенитета» Турции, но и оказала ей неоценимую моральную, политическую и материальную помощь⁴³. Этот договор упрочил военное положение Турции и способствовал усилению ее государственности и суверенности.

3. Усилиями турецкой стороны делегация Советской Армении была отстранена от переговоров и тем самым лишена возможности защищать интересы своего народа в таком жизненно важном для Армении вопросе, каким являлся вопрос территориального разграничения. «В связи с отстранением нашей делегации (от работ—Э. З.) конференции и с тяжелыми для Армении условиями договора с Турцией,—говорится в телеграмме председателя делегации Советской Армении Ал. Бекзадяна Армревкому от 11 апреля 1921 г.,—нами предъявлен протест, который, конечно, практического значения не будет иметь»⁴⁴.

Считаем необходимым еще добавить, что делегация Советской Армении, хотя и все эти дни была в Москве, однако как бы находилась в изоляции, так как никакой информации о ходе работ конференции не получала, с ней не проконсультировались даже в таких вопросах, которые непосредственно касались Армении. Об этом можно судить по письму Ал. Бекзадяна представителю Советской Армении в Азербайджане М. Атабекиану, где, в частности, говорится: «О ходе работ этой конференции, которая до сих пор имела 3 заседания (причем последнее должно было быть вчера), мы извещались частным образом через Наркоминдел военного эксперта РСФСР т. Бобрищева... Нам пока известно, что турки... ставят максимальные требования»⁴⁵ и т. д. Письмо это написано 18 марта, т. е. через два дня после завершения конференции, а Бекзадян, находясь в Москве, об этом не знал. Это тем более странно, что представитель Советского Азербайджана Б. Шахтахтинский, хотя тоже официально не участвовал в работах конференции (турками была отвергнута идея общей советско-турецкой конференции), однако все время находился в тесных связях с турками, от имени Российской делегации вел неофициальные переговоры с ними и т. д. В частности, как уже было отмечено, 6 марта он имел продолжительную беседу с турецкой делегацией относительно Нахиче-

⁴² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 30, с. 112.

⁴³ В Москве также было подписано соглашение о безвозмездной финансовой помощи Турции в размере 10 млн. рублей золотом и помощи оружием.

⁴⁴ ЦГАОРСС АрмССР, ф. 114, оп. 1, д. 85, л. 3.

⁴⁵ Там же, оп. 2, д. 68, л. 26.

вана и Батума. А какова была его позиция в Нахичеванском вопросе, тоже уже отмечено выше.

4. Хотя официально Советскую Россию на конференции представляли Г. Чичерин и Джелаледдин Корхмазов, однако факты показывают, что на ход переговоров и принятых решений (особенно территориального разграничения) сильно повлияло активное вмешательство И. В. Сталина. С одним таким фактом мы уже познакомились в связи с решением вопроса о Батуме. Он отстоял Батум для Грузии. А какова была позиция И. В. Сталина в вопросе армяно-турецкого разграничения? Обратимся к фактам. 20 января 1921 г. Буду Мдивани в письме из Карса, адресованном Г. Орджоникидзе, касаясь вопроса об Армении, пишет: «Верно, мы должны заботиться о Советской Армении, но не менее верно, что и за турками приходится ухаживать и в данный момент эта сторона дела важнее. Ужаснее всего то, что в Москве одни говорят одно, другие другое. Можешь себе представить, что за сумбур получился—Коби и Ильич говорят мне в официальной телеграмме, что с турками нельзя ссориться из-за Карса, а Чичерин оказывается потребовал Ван и Муш и я об этом узнаю только из ответной телеграммы Ахмед Мухтара. С такой политикой мы далеко не пойдём... Прав Чичерин, что нужно быть твердым, но думается мне, что твердость надо проявлять только по тем вопросам, которые безоговорочно следует разрешить в желательном для нас духе, и не по вопросам, которых не следует поднимать. Вопрос о Ване и Муше при теперешнем положении именно такой...»⁴⁶ (подчеркнуто нами—Э. З.).

Узнав от Орджоникидзе о требовании Г. Чичерина, предъявленном туркам, Сталин впадает в ярость. 12 февраля 1921 г., т. е. за две недели до начала конференции в записке к В. И. Ленину, протестуя против политики Г. Чичерина в армянском вопросе, он пишет: «Тов. Ленин, я вчера только узнал, что Чичерин действительно послал какое-то дурацкое и провокационное требование об очищении Вана, Муша и Битлиса (турецкие провинции) с огромным преобладанием турок в пользу Армении. Это армянское империалистическое требование не может быть нашим требованием. Нужно запретить Чичерину посылку нот туркам под диктовку националистической настроенности армян»⁴⁷ (подчеркнуто нами—Э. З.). Однако Сталин этим не ограничивается и скоро уже в дни конференции, в органе Наркомнаца «Жизнь национальностей» появляется статья ответственного работника его аппарата А. Скачко «Армения и Турция на предстоящей конференции», в которой автор, выражая взгляды своего патрона, открыто призывает во имя мировой революции пойти на уступки Турции, так как для нее «чрезвычайно важно сохранение, а может быть и увеличение турецкой территории», тогда как «для социалистических государств ни территория, ни национальное единство не играет никакой роли»⁴⁸ (подчеркнуто нами—Э. З.).

О протурецкой позиции И. В. Сталина в своих политических воспоминаниях говорил также член турецкой делегации генерал Али Фуад-паша. Он пишет, что еще до начала конференции в ночь на 23 февраля 1921 г. в беседе со Сталиным, на вопрос членов турецкой делегации о том, будет ли армянский вопрос обсуждаться на конференции, Сталин ответил: «Вы уже решили вопрос об Армении. Если

⁴⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 85, оп. 14, е/х 106, л. 1—2.

⁴⁷ Там же, ф. 3, оп. 1, е/х 5214, л. 2. См. также: Е. Саркисян, Р. Саакян, указ. соч.

⁴⁸ Жизнь национальностей, 4. III. 1921.

есть еще кое-что неразрешенное. это тоже разрешайте сами»⁴⁹. Думается, комментарии здесь излишни: Сталин не только солидаризуется с турецким способом разрешения армянского вопроса (т. е. геноцида армян), но и подталкивает их на новые злодеяния.

5. Немаловажную роль сыграл также злосчастный Александропольский договор, который хотя и не был ратифицирован, и следовательно, не обладал юридической силой, однако турецким дипломатам дал возможность спекулировать тем, что дашнаки уже признали границу между Арменией и Турцией по рекам Аракс и Ахурия⁵⁰. С этим договором они отправились на конференции и в Лондон и в Москву. 11 апреля 1921 г. на заседании Бакинского Совета Г. Орджоникидзе, отвечая на вопрос, чем обусловлена уступка туркам Карса, Ардагана и Артвина, сказал: «Здесь нам пришлось считаться со свершившимся фактом. Дашнаки уже заключили соответствующие договоры, турки заняли отданные им области, и на переговорах с нами в Москве они решительно отказались отдать их нам. Идти на конфликт из-за этого с турками мы не хотели, это было бы на руку только Англии и Франции»⁵¹.

Таковы, по нашему мнению, некоторые соображения и обстоятельства, обусловившие уступку Турции обширных территорий (армянских и некоторых грузинских) по договору, заключенному в Москве 16 марта 1921 г. между Советской Россией и кемалистской Турцией.

**ՏԱՐԱԾՔԱՅԻՆ-ՍԱՀՄԱՆԱԳԾԱՅԻՆ ՀԱՐՑԵՐԸ ՄՈՍԿՎԱՅԻՆ
ԵՐԿՐՈՐԴ ԴՈՒՍ-ԹՈՒՐԲԱԿԱՆ ԿՈՆՖԵՐԱՆՍՈՒՄ**

(1921 թ. փետրվար—մարտ)

Է. Ա. ՉՈՀՐԱՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ու մ

Մոսկվայի կոնֆերանսը ժամանակի միջազգային կյանքի կարևորագույն իրադարձություններից էր: Երանում բնակիչներին Սովետական Ռուսաստանի և բնակական Թուրքիայի փոխհարաբերությունները կարգավորող մի շարք հարցեր: Առանձնապես մեծ հսկայություն էին ներկայացնում տարածքային-սահմանագծային հարցերը: Զբաղարարվելով Արևմտյան Հայաստանով, Թուրքիան համառորեն պնդեց և հասավ այն բանին, որ մարտի 16-ին ստորագրված պայմանագրով Հայաստանից իր օգտին անջատեց նաև Կարսի մարզն ու Սուրմալուի գավառը, իսկ Վրաստանից՝ Բաթումի մարզի մի մասը: Թուրքիայի պնդումով՝ Նախիջևանի գավառը ևս անջատվեց Հայաստանից և հանձնվեց Ադրբեջանին:

⁴⁹ Ե. Տարկիսյան, Բ. Տաակյան, указ. соч.

⁵⁰ В советской исторической литературе бытует мнение, что Александропольский уезд по заключенному дашнаками с Турцией договору переходил к последней и был возвращен Армении по Московскому договору. Однако это неверно и является результатом поверхностного знания условий Александропольского договора.

⁵¹ Коммунист (Баку), 13. IV. 1921.